

Лавина Кёрки

Кинжал Призрака

16+

Лавина Кёрки
Кинжал призрака

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Лавина Кёрки

Кинжал призрака / Лавина Кёрки — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Что самое сложное в бессмертной жизни? Найти ее смысл. Пройдите вместе с ассасином по имени Антрес путь длиною в тысячу лет. Какие испытания ему суждено преодолеть, в каких местах оказаться, сколько близких людей обрести и потерять, чтобы понять, ради чего стоит жить?

Содержание

11 век	5
13 век	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

11 век

Сильный, образующий плотную стену дождь, которые извергали из себя тяжелые иссиня черные тучи, был редкостью в тех краях. Обитатели горной крепости Аламута прятались от мощных, как стрелы врагов, капель. Лишь во внутреннем дворе на земле сидел юноша. Он сидел неподвижно, облокотившись о холодную стену. Из-за сильной лихорадки, парень не замечал ледяного дождя. Его губы дрожали. Он то и дело проваливался в короткий, длящийся не более нескольких минут сон. Антрес думал, внутренний жар скоро убьет его. У него уже не было сил даже на отчаяние. Он провел у ворот замка Старца Горы несколько недель. Его избивали, на него кричали. И вот теперь, когда он близок к осуществлению задуманного, его тело подводит его.

Рядом с ним стояла металлическая миска с размякшим хлебом. От голода у Антреса сводило желудок. Сделав над собой усилие, юноша потянулся за мерзким на вид куском. Он стал жадно жевать ставшим похожим на кашу хлеб. От еды Антресу стало чуть лучше. Он оглядел серые стены Аламута. Ему почудилось, будто сам Старец Горы наблюдает за ним через окно.

Антрес опустил свою ослабшую руку на землю. Но он не почувствовал ударов злого дождя по его раскрытой ладони. Юноша видел, как вода проходит сквозь него. В теле ощущалась странная легкость. Потом в его глазах начало двоиться. Юноша стал постепенно проваливаться в освещаемый молниями туман. «Все. Конец», – с облегчением подумал Антрес, прежде, чем его глаза закрылись.

Он уже не мог видеть, как напротив него встал закутанный в черный плащ человек с длинной седой бородой. Несколько минут раздумий, и Старец приказал занести еле живого юношу внутрь.

Впоследствии ассасин по имени Антрес часто вспоминал день, когда его приняли в Орден. Он не понимал, почему Старец сжалился над ним, не дал ему издохнуть, как псу, под холодным дождем.

Разорвав тонкий шелковый шарф, стрела легко вошла в мягкую плоть. С тихим хрипом жертва схватилась за горло и начала медленно оседать. Шелк стал окрашиваться кровавым узором.

Понимая, что ранение вышло смертельным, Антрес не стал дожидаться, пока его жертва испустит дух. Ассасин бросил свой лук. Без него убежать с места убийства было гораздо удобнее.

Антрес легко перепрыгнул на крышу соседнего дома. Охранники жертвы явно заметили его и наверняка намереваются схватить убийцу. Однако ассасин собирался выбраться живым из этой передраги.

Еще два прыжка, еще две крыши, и Антрес сиганул вниз. Его учили, как прыгнуть с высоты и не разбиться. Но каждый раз, когда убийца шагал в пустоту, он замечал, что его пальцы на руках перестают быть видимыми. Они словно хотели бы стать воздухом, вездесущим и прозрачным.

Приземлившись, Антрес огляделся по сторонам, решая куда бежать. Внимание ассасина привлек колышущийся на сквозняке посеревший кусок ткани. Приглядевшись, юноша заметил, что он своеобразная занавеска лишь прикрывает проход в дом.

Сквозняк нес из дома обжигающий воздух, полный аромата дров.

Кузня – догадался Антрес. И юркнул в дом.

Ассасин притаился, ожидая, когда погоня пройдет мимо его случайного убежища. Как только вновь стало тихо, Антрес собрался было спешно покинуть кузню, но его остановил чей-то голос.

– Большая ошибка – не продумать путь отступления, ассасин.

Антрес резко обернулся, доставая из ножен кинжал.

В неосвященном углу, у самого горна, стоял широкоплечий, крупный мужчина с недлинной пышной бородой. В руке он держал тяжелый кузнецкий молот.

По-хорошему, Антресу сейчас надо было, не раздумывая, броситься на кузнеца и подарить ему быструю смерть, всадив ему нож в сердце. Но что-то остановило ассасина. То ли молот в руках кузнеца, то ли то, что кузнец знал, кто такой Антрес.

– Кто ты? – спросил ассасин. Он решил оставаться наготове до тех пор, пока не убедится, что кузнец не представляет опасности.

– Можешь называть меня Мастером, – мужчина сделал шаг вперед.

– Мастером? – удивился Антрес. – Странное же у вас имя.

– Это не имя, – кузнец слегка улыбнулся. – Имена никогда не отражают того, кем человек является. Они лишь красивое сочетание звуков и только. Мастер – моя сущность. Это то, кем я являюсь. Точно так же, как и ты без своего имени, лишь просто ассасин.

Антрес нахмурился. Станный кузнец вызывал у него противоречивые чувства. Что-то было в этом Мастере нечеловеческое. Какая-то загадочность. Можно было его просто убить, как случайного свидетеля, но Антрес колебался.

– Как ты узнал, что я из Ордена? – ассасин не спускал взгляда с молота кузнеца.

– Я знаю о тебе больше, чем ты сам, призрак.

Призрак – Антрес похолодел, услышав это. Только выработанное годами усиленных тренировок самообладание позволило парню взять себя в руки и ничем не выдать своего волнения. А волновался Антрес как никогда в жизни. Даже во время убийств он сохранял удивительное спокойствие. Но встреча с человеком, знающем о его маленьком секрете, выбила его из колеи.

Ассасин не мог контролировать проявления своей призрачной природы. И, тем не менее, он старался скрывать от окружающих то, что его тело иногда становилось воздухом. Антрес боялся представить, чем для него может обернуться раскрытие этого секрета.

– Сейчас в твоей голове наверняка промелькнула мысль, может быть, стоит убить кузнеца и тогда твой секрет будет опять защищен, – продолжил Мастер. – Поверь, не поможет. Старец уже давно осведомлен. Думаешь, почему он спас тебе жизнь? Он видел, как ты стал призраком.

На мгновение воспоминания о том дне всплыли перед глазами Антреса. Наконец-то он получил ответ на годы терзавший его вопрос. Но это не принесло долгожданного успокоения. Наоборот, Антрес почувствовал себя каким-то потерянным.

Ассасин убрал свой кинжал в ножны.

– Расскажи мне все. Я должен знать.

Мастер кивнул и положил молот на наковальню. Теперь разговор можно продолжить мирно. Кузнец предложил Антресу сесть и выпить воды. Он видел многих, кто оказывался в похожей ситуации. И все реагировали на известие о собственной необычности примерно одинаково: это никак не укладывалось в их голове.

– Я человек? – спросил погрузневший Антрес.

– Ты больше, чем человек, – ответил Мастер. – Тебе дано то, что возвышает тебя над толпой, то, что делает тебя особенным.

– Вы про то, что я становлюсь призраком?

– Да, – кивнул кузнец. – Другие, такие же как ты, называют себя, конечно же, по-другому.

– Так есть и другие? Тоже призраки?

– Другие есть, – неохотно признал Мастер. – Но у каждого из вас своя особенность.

– Из вас? Значит ты не один из нас?

– Я Мастер. Я тоже необычен, но, в отличие от тебя и остальных, я не бессмертен

Антрес поднял глаза и внимательно посмотрел на Мастера. Может быть, это шутка? Бессмертие? Такого не может быть! А как же тогда рай, который обещал ему Старец после смерти? Неужели это ложь? Неужели он всей душой верил в ложь и готов был за нее умереть? Сейчас, когда привычный ему мир начал переворачиваться, он вспоминал прекрасное видение, нарисованное туманом из паров гашиша. И девушек, юных и невинных. И Антрес удивлялся, как он мог принять это за чистую монету.

– Он хотел сделать из меня идеально оружие, – сквозь зубы пробормотал ассасин. – Преданный и бессмертный призрак. Он использовал меня!

– А кого нет? – Мастер сел напротив Антреса. – Но речь сейчас не о нем, а о тебе. Старец смертен. Даже если он проживет еще десять-пятнадцать лет, его влияние закончится вместе с его смертью. Но ты другое дело. Ты можешь пройти сквозь века, видеть, как меняется мир и люди. Я вижу в тебе большой потенциал, Антрес. Бессмертие не защищает от ядов, смерти в пьяной драке и прочих фатальных случайностей. Многие из вас забывают об этом. Но ты другое дело. Ты осторожен и разумен. Ты любишь жизнь, умеешь ее защищать.

Антрес слушал Мастера в пол уха. Века, люди, осторожность – сейчас это все казалось ему чем-то чуждым и далеким. Ассасин желал двух вещей – ответов и мести. И то, и другое он желал получить от Старца. В тот момент это казалось самым важным. А все остальное таким ничтожным.

Антрес взглянул на свои раскрытые ладони. Невидимость всегда проявлялась спонтанно. Он не умел ее вызывать. И сейчас ассасин пытался вызвать свою призрачную натуру. Несколько минут он сидел неподвижно, выжигая взглядом свою плоть.

Мастер терпеливо наблюдал за юношей. Он видел много хороших качеств в Антресе – упорство, прямооту, отсутствие кровожадности. Тем не менее, ему казалось, что сейчас в юноше пробуждается его темная сторона. Мастер понимал желание Антреса отомстить Старцу. В конце концов, всем приходится как-нибудь прощаться со своим прошлым перед бессмертным будущим. И все же Мастер боялся, как бы молодой ассасин не погиб, осуществляя свою месть.

– Чем сильнее ты будешь думать о невидимости, тем меньше шансов вызвать ее, – сказал Мастер, когда ему надоело наблюдать за неподвижно сидящим Антресом. – Призрак – это часть тебя. Расслабься, успокойся, и она сама начнет приходить.

– Мне казалось, это должно быть проще, – Антрес опустил руки.

– Будет, – улыбнувшись, Мастер достал откуда-то из-под стола сверток. – Ты не спросил, почему я называюсь Мастером и почему я тоже считаюсь необычным. Но знать ты должен. Я появляюсь для того, чтобы делать для таких, как ты, необычные вещи. Вещи, которые либо помогают раскрыть способность, либо дополнить ее. Пророк, предсказавший нашу встречу, предупредил, у тебя будут проблемы с твоей второй сущностью. И я решил сделать для тебя одну особенную вещь.

Мастер протянул Антресу сверток. С некоторыми сомнениями юноша его принял. Развернув грубую ткань, ассасин увидел кинжал. Первое, что бросилось в глаза, был крупный округлый мутноватый камень, вставленный между лезвием и гардой. Никогда не сталкивавшийся с алмазами Антрес не мог оценить, какая драгоценность украшает клинок.

Юноша взял кинжал в руку. Рукоять словно была сделана под его ладонь. Кинжал казался настолько удобным, что у Антреса создалось ощущение, будто он родился вместе с ним. На лезвие была позолотой нанесена арабская вязь. Если бы Антрес умел читать, он бы узнал, что там написано «Призрак».

Ассасин осторожно провел пальцем по острию. Кинжал оказался острым, как бритва.

Не отрывая взгляда от своего нового оружия, Антрес встал, шагнул к центру кузни. Он сделал один выпад, развернулся, рассек воздух перед собой.

И исчез.

На лице Мастера появилась довольная улыбка. Он не сомневался, что с помощью его подарка Антрес сможет обуздать свой дар.

Антрес снова появился в центре кузни буквально через мгновение. Юноша выглядел взволнованным, но довольным. Кинжал он держал опущенным.

– Я... я смог? – спросил он, не веря тому, что с ним произошло.

– Смог, – подтвердил Мастер.

– О, Аллах, это было прекрасно! – воскликнул Антрес и опять взглянул на кинжал. – Расскажи, почему с ним у меня все получилось?

– Это кинжал призрака. Он становится призраком тогда же, когда и ты. Я сделал его, как часть тебя. Сейчас кинжал помогает тебе становится невидимым. Потом, когда ты научишься себя контролировать, он станет для тебя лучшим другом. Никакое другое оружие не сможет убивать, оставаясь призрачным. А он – другое дело.

Глаза ассасина не добро блеснули. Мастер увидел в этом блеске злое желание Антреса поквитаться. Возможно, Мастеру стоило его остановить, убедить не совершать столь эмоционального и даже глупого поступка. Но кузнец не видел в этом никакого смысла.

– Пообещай мне одно, Антрес, – твердо сказал Мастер.

– Что именно? – ассасин отвлекся от любования кинжалом.

– Как закончишь мстить, вернись, пожалуйста, сюда. Я бы хотел встретиться с тобой еще раз.

Юноша кивнул.

– Я вернусь. Обещаю.

Когда Антрес ушел, Мастер вернулся к своей работе. Времени у него оставалось не так уж и много. А он хотел успеть приготовить свои дары для других необычных. Работая с раскаленным металлом, Мастер продолжал думать о молодом ассасине.

В Аламут Антрес вернулся уже призраком. Его путь к покоям Старца можно было отследить по трупам с перерезанными горлами. Антрес не щадил никого. Он шествовал по крепости, как чума, вооруженная невидимым кинжалом.

Остановился Антрес лишь у входа в покои Старца. Охранники уже лежали у его ног убитыми. От волнения сердце призрака билось очень быстро. Остался последний шаг, и он увидит Старца.

Прежде чем войти в покои Старца, Антрес сделался вновь видимым. Он хотел предстать перед Владыкой Аламута, дать ему узреть свою смерть.

Юноша держал кинжал наготове, мало ли вдруг внутри окажутся другие охранники. Но нет. В своих роскошных покоях Старец был один. Он лежал среди мягких подушек и читал книгу. Услышав, как отворилась дверь в его покои, Старец лениво поднял взгляд. Заметив Антреса, он замер. Первое, что бросилось в глаза Владыке Аламута, был отнюдь не пылающий ненавистью взгляд молодого ассасина, а необычный кинжал с крупным камнем, который был испачкан свежей кровью. На мгновение Старец было подумал, что Антрес, которого он без сомнения узнал, пришел его убить, но юноша медлил. Значит, ему нужна не только кровь его учителя. И это оказалось именно так.

– Я хочу услышать историю, – сказал Антрес. Он не стал приближаться к Старцу. Он боялся сорваться и вонзить ему кинжал в сердце до того, как он получит ответы на свои вопросы.

– Какую историю? – уточнил Владыка Аламута.

– Историю, которая должна была стать моей.

Старец тихо хмыкнул и пожал плечами.

– Ах, мальчик, откуда мне знать такое?

– Не ври! – выкрикнул Антрес. Рука, в которой он сжимал кинжал, взметнулась вверх. Оружие потянуло его в невидимость, но гнев не дал ассасину вновь стать призраком.

Старец вздрогнул, узрев, как его последователя коконом окружил молочный туман. В его жизни всегда были враги, и Старец научился мириться со страхом за свою жизнь. Только никогда прежде этот страх не был так велик.

– Хорошо, Антрес, я расскажу тебе все, – Старец вздохнул и начал. – Впервые о таких, как ты, о alius, я узнал от своего учителя. Учитель рассказывал нам, якобы он встречался с человеком, который сиял, как солнце. Я думал, это всего лишь красивая легенда, о бессмертных людях, которые обладают магией. Впрочем, скрывать не стану, я мечтал найти своего alius, но сделать это специально ой как не просто. Обычно они умело прячут свои необычные способности. А потом, когда я уже почти забыл о alius, в один дождливый день ко мне прибежали напуганные слуги и сказали, что умирающий во дворе парень исчез, хотя ворота в замок оставались закрытыми. Я не верил им до тех пор, пока не увидел сам. А увидел я тебя, Антрес. Ты то исчезал, то появлялся. Я сразу понял, ты alius. Я не мог позволить тебе умереть. Да и выдать, кто ты такой, тоже. Я сделал вид, будто меня поразило твое упорство и я готов принять тебя в Орден. Хотя, если уж быть до конца откровенным, не будь ты alius, я бы позволил тебе сдохнуть, как бродячему псу.

Попытка Старца оскорбить своего ученика успехом не увенчалась. Антресу не нужно было лишний раз напоминать, что Орден стал его единственным шансом на выживание.

– Почему ты называешь нас алус? – спросил ассасин.

– Alius, – поправил его Старец. – Это латынь. Означает, кажется, «другой» или «иной». Все, кто о вас знает, называют вас именно так.

Ответ Антреса удовлетворил. Должны же такие же, как он, как-то себя называть. Alius – слово не хуже и не лучше других. Юноша коротко кивнул и сказал:

– Продолжай.

– Как ты мог заметить, я никак не выделял тебя среди других новообращенных членов Ордена. Хотя и знал, кто ты. Впрочем, ты никак не проявлял свой alius. Или же тщательно его скрывал. У меня были подозрения, что ты не мог контролировать свою способность. И я надеялся, ты станешь преданным мне псом до того, как полностью познаешь свой alius. Но, как видишь, я просчитался. Вместо верного пса я получил неблагодарного сукиного сына, который смеет мне угрожать.

На сей раз Антрес не выдержал и сорвался. Без магии кинжала он нырнул в невидимость. Появился он уже рядом со Старцем. Лезвие кинжала призрака смотрело прямо в сердце главы ордера ассасинов.

– Каждое твое слово ложь! – с вызовом сказал Антрес. – Я не верю, что великий Хасан ибн Саббах упустил бы такую редкую возможность, как молодой и неопытный alius. Ты послал меня на задание, то задание, с которого я сюда вернулся, осознавая, что я могу погибнуть, выполняя его. Я шел на это убийство, как смертник. И я должен поверить, что мое задание входило в твой план по приручению меня?

Старец отвел взгляд и промолчал. Какая разница, скажет ли он правду или нет, Антрес ему не поверит. Юноша в действительности пришел же сюда не за историей, которая могла быть его, и не за жизнью учителя. Ему нужно было вернуться, чтобы разжечь и погасить свою злость из-за сложившихся обстоятельств и страх перед неизведанным.

– Почему ты молчишь? – сквозь зубы прошипел Антрес. Кончик его кинжала коснулся груди Старца.

– Ты не услышишь от меня того, что хочешь, – Старец покачал головой. – Гадай до конца своей бесконечной жизни, что я от тебя хотел, как и почему. Но я тебе ничего не скажу. И можешь даже не угрожать мне своим изысканным кинжалом, я все равно буду молчать.

Антрес заглянул в глаза своему учителю. Он понял, сейчас Старец не врет. Ответов юноша больше не получит. И почему-то теперь уже Антресу было уже наплевать. Его история, как и любая другая, могла быть рассказана по-разному. Кое-что было бы схожим, кое-что отличалось. Однако для Антреса истиной будет только одна версия этой истории – та, которую прожил он сам.

Ассасин так и не убрал кинжала от груди Старца. Антрес еще не решил, хочет ли он еще мести или нет. Его учили быть убийцей, забирающим чужие жизни хладнокровно, быстро, без доли сомнения. Убивать тех, кто несет угрозу его учителю. Или тех, за чью жизнь щедро заплатили. Возможно, когда-то он и был оружием чужой мести. Только сейчас Антрес не видел в своей истории места для мести. Убивать легко, ну а кровь с рук смывать гораздо сложнее.

Молодой ассасин убрал кинжал от груди Старца и отошел от него на пару шагов.

– В одном ты прав, – гораздо спокойней сказал Антрес. – Моя жизнь будет очень долгой. Дольше чем твоя. Тебя убьет самый лучший в мире убийца – время. Не хочу иметь тебя на своей совести. Прощай.

И Антрес растворился в воздухе, будто его никогда и не бывало в покоях Властителя Аламута.

Старец некоторое время смотрел на то место, где не так давно стоял его ученик. У него по коже до сих пор пробегал холодок. Одно дело воспитывать ассасинов, и совсем другое встречаться с ним лицом к лицу.

Антрес покидал Аламут в спешке. Он не только не хотел оставаться в этом проклятом месте, он боялся, как бы Старец не пошлет ему в погоню. Юноша чувствовал себя усталым и физически, и эмоционально. А это не то состояние, в котором стоит встречаться с группой хорошо обученных ассасинов.

Антрес не выходил из невидимости пока не добрался до своей лошади. Едва он коснулся морды соскучившегося животного, у него на душе стало спокойней. Призраку показалось, все, что было до этого момента, было в прошлой жизни. Оно больше никогда не коснется его настоящего. Отчасти, это было прекрасной иллюзией, однако Антресу сейчас большего и не нужно. Он запрыгнул в седло, пришпорил коня. Теперь настало время исполнить обещание и вернуться к Мастеру.

Молот кузнеца опустился на раскаленный добела металл, заставляя его принять нужную форму. Раздался громкий звон, а потом в кузне повисла тишина. Мастер оторвался от работы, почувствовав присутствие гостя.

Антрес стоял у двери, словно не решаясь пройти дальше. Впервые с момента их встречи, лицо ассасина не прикрывал капюшон, поэтому Мастер мог разглядеть все противоречивые чувства, которые испытывал юноша. В выразительных карих глазах, обрамленных пушистыми ресницами, читалась и грусть, и потерянность, и даже разочарование.

– Я вернулся, как и обещал, – сухим голосом сказал Антрес.

– Я вижу, – тяжело вздохнул Мастер.

Прежде чем подойти к юноше, он бросил металлическую деталь в воду, чтобы та остыла.

– Как все прошло? – спросил Мастер, усаживая юношу за стол и наливая ему вина.

Антрес не обратил никакого внимания на предложенную выпивку.

– Я не убил Старца, если ты об этом, – пробормотал он, стараясь не глядеть Мастеру в глаза.

– Вижу, это решение далось тебе не просто, – констатировал кузнец.

– Не в Старце дело, – признался Антрес. – Я думал, после того, как я побываю в Аламуте и закончу там все свои дела, я пойму, как мне жить дальше. Как и обещал, я пришел к тебе.

И здесь чувство пустоты еще больше усилилось. Такого не было даже тогда, когда я шел в Аламут, чтобы стать ассасином или умереть, пытаясь им стать.

– Пустота стубила многих хороших людей, Антрес, – сказал Мастер. – А таким, как ты, особенно трудно с ней справляться. Кто-то пристращается к выпивке, кто-то находит утешение в объятиях блудниц, а кто-то начинает испытывать судьбу, ввязываясь в разные авантюры. И обычно где-то на этом пути из ниоткуда в никуда их и подстерегает смерть в результате глупейшей ошибки. Пустота развращает и не приводит ни к чему хорошему. Но я могу помочь тебе.

– Как? – Антрес удивленно взглянул на кузнеца. Этот человек на первый взгляд казался таким простым и незамысловатым, однако он умел поразить даже тогда, когда казалось, будто он уже разыграл все свои козыря.

– Я дам тебе цель. И она поможет искать способы бороться с пустотой. Достань, пожалуйста, свой кинжал, друг мой.

Хотя Антрес недопонимал, как связана цель, что собирается дать ему Мастер, и кинжал, он охотно выполнил просьбу.

– Как я уже тебе говорил, в отличие от тебя, я смертен. Однако это не означает, что когда умрет мое тело, умру и я. Пройдет много лет, и я возрожусь в другом человеке. Я буду жить в какой-то степени нормальной жизнью, пока моя сущность Мастера не даст о себе знать. И тогда я начну вспоминать упорно и долго, кто я на самом деле такой, что я сделал в свои предыдущие жизни и что мне суждено сделать в свое нынешнее пришествие. Каждый раз я теряю много лет, чтобы найти ответы на эти вопросы. И часто я не успеваю сделать в свой короткий век всего, что мне следовало бы сделать. На сей раз я придумал, как решить эту мою проблему. Взгляни на свой кинжал, Антрес.

Уже совсем ничего не понимающий юноша перевел свой взгляд на клинок.

– Ты же говорил, кинжал связан только со мной. Он усиливает только меня, – недоуменно сказал ассасин.

– Верно, – кивнул Мастер. – Кинжал связан с тобой и только тобой, а вот камень – нет. Я огранил этот бриллиант до того, как сделал твое оружие. Я решил вставить его в твой кинжал, когда понял, ты тот, кому я смогу довериться. И собственно, он символизирует ту цель, которую я хочу тебе дать.

Антрес взгляделся в сверкающий всеми цветами радуги алмаз. Что-то особенное было в том блеске. Казалось, будто камень обладал собственной мудростью, что копилась в нем на протяжении столетий. Антресу стало интересно, почему раньше бриллиант казался ему лишь украшением его кинжала.

– И что это за цель? – спросил ассасин.

– Когда я вернусь, возрожусь следующий раз, камень почувствует это и даст тебе знать. И я прошу тебя откликнуться на этот зов и найти меня. Увидав этот алмаз, новый я поймет, кто он такой. Память вернется.

Некоторое время Антрес внимательно смотрел на Мастера, думая о том, а готов ли кузнец услышать нет в ответ на свою просьбу. Нет, Антрес не хотел отказываться. Он чувствовал, что действительно эта цель, ждать возрождения Мастера, стоит того, чтобы искать способы бороться с пустотой. Не только искренняя благодарность двигала в тот момент юношей. Мастер – хороший человек. Он наверняка помог не только ему познать свою вторую натуру. Так почему бы не помочь ему самому?

– Когда бы ты не вернулся, я обещаю найти тебя, – уверенно сказал Антрес. И как только он дал это обещание, ему стало чуточку лучше. Он почувствовал, что жизнь, несмотря на сплошную неопределенность, все-таки обрела стимул продолжаться.

Мастер улыбнулся.

– Я рад. Спасибо, – искренне поблагодарил он.

– А теперь ты, наверное, скажешь, что я должен идти? – усмехнулся Антрес, пряча кинжал.

– Мне незачем тебя прогонять, – Мастер вернулся к наковальне. – Я одинокий человек, которому компания и помощь не помешает. А ты пока бездомный юноша, который если что и умеет, так это убивать. Если хочешь, оставайся.

Антрес кивнул. У него впереди целая вечность, десятилетия и века, а может даже и тысячелетия. Так почему бы не начать их с тем, чья жизнь имеет свой срок.

13 век

Антрес проснулся от странного чувства. Это была не тревога, нет. При тревоге ассасин по старой привычке просыпался резко. Сейчас же он просто вынырнул из объятий сна.

Призраку казалось, будто он забыл сделать что-то важное. И это вызывало волнение, беспокойство и, как следствие, раздражение.

Антрес сунул руку под подушку, нащупал кинжал. Прикосновение к своему верному оружию всегда успокаивало ассасина. Однако на сей раз все было наоборот – странное чувство усилилось, что заставило Антреса ко всему прочему еще и испугаться.

Вытащив из-под подушки кинжал, он сел в кровати и заворожено посмотрел на клинок. За более чем два столетия ничего не изменилось в этом необычном оружии: лезвие не затупилось, золотой узор по-прежнему ярко блестел. Лишь алмаз потемнел и стал кроваво-красным. Антрес считал, камень окрасился кровью тех людей, что он убил за это время.

– Дорогой, что такое? – сквозь туман, вызванный необычным для Антреса чувством, прорвался обеспокоенный голос его любовницы Виттории.

Как и Антрес, Виттория была *alius*. Куртизанкой, использовавшей свою способность заволаговывать голосом, чтобы заполучать богатых клиентов. Вита была красивой, но, по мнению Антреса, немного худощавой. Он не любил ее, хотя умел наслаждаться ее обществом и теплом ее постели.

– Антрес, ты в порядке? – рука Виттории скользнула по обнаженной груди Призрака, но ассасин по-прежнему не обращал внимания на ее вопросы. Он наконец-то понял, что именно вызвало это странное чувство.

– Мастер, – прошептал Антрес, вставая с постели.

Два века он ждал возвращения своего друга. Ассасин часто представлял себе, как это будет. Отчасти, реальность совпала с его ожиданиями. Антрес всегда верил, что однажды он проснется и поймет, Мастер вернулся. Только вот он думал, будто чувства будут иные, более приятные.

Перестав пялиться на свой кинжал, Антрес стал спешно одеваться. Он хотел как можно быстрее отправиться в путь и отыскать Мастера. Путь должен был быть долгим, очень долгим, потому что Мастер находился невероятно далеко.

– Антрес, да что случилось? Почему ты молчишь? – противно завизжала Виттория, которую окончательно разозлило поведение ее любовника.

– Я должен уехать, – сквозь зубы процедил Антрес. Сейчас, как никогда прежде Вита его раздражала. Она портила впечатление о долгожданной новости.

– Куда? – последовал очередной вопрос, но Антрес не счел нужным на него отвечать.

Виттория выждала минуту, прежде чем снова заговорить. Однако на сей раз голос куртизанки изменился. Он стал глухим, будто звон церковного колокола.

– Антрес, я хочу, чтобы ты мне объяснил причины своего поведения!

До этого Виттория никогда не применяла свой *alius* по отношению к Антресу. С ее стороны это, конечно же, был жест отчаяния. Вита любила Антреса с пылкостью, которая свойственна молоденьким девушкам, а не сто тридцатилетней бессметной умудренной жизнью и многочисленными романами куртизанке. Виттория вбила себе в голову, что она должна полюбить опасного человека, что Антрес как раз такой опасный человек и что она должна приручить его. Конечно же, Призрак все понимал и уже почти десять лет принимал чувства Виты, однако сейчас он должен был покончить раз и навсегда с этой придуманной любовью.

Антрес резко повернулся к Виттории, шагнул к ней. На лице девушки возникла полуулыбка победительницы. Раз ее чары могут околдовать этого мужчину, значит, он будет с ней навсегда, действительно навсегда.

Ассасин склонился на ней. Он чувствовал ее учащенное дыхание, видел ее полные любви и страсти глаза. Но все это не трогало Антреса.

Быстрым движением он вытащил свой кинжал из ножен. Лезвие мелькнуло в воздухе. Виттория даже не успела испугаться. Она все поняла, только когда Антрес отстранился от нее. В одной руке он держал кинжал, а в другой – локон ее золотых волос.

– Еще раз попробуешь применить против меня свой *alius*, лишишься головы, – предупредил ассасин. Виттория почувствовала – он не шутит. И тем не менее надежда не оставляла ее до тех пор, пока Антрес держал прядь ее волос. Она продолжала верить, что ее возлюбленный таки заберет ее локон с собой и будет, глядя на него, вспоминать ту, которую он оставил.

Антрес отошел к окну.

– Прощай, – негромко сказал он и растворился в воздухе.

А золотистая прядь волос плавно опустилась на пол.

В порту Антрес сел на первый корабль, который отплывал на восток. Он пока еще и не подозревал, насколько долгим и трудным окажется его путешествие, сколько стран и народов повстречается ему на пути, какие неведомые края он увидит. Его гнало вперед не только данное обещание, ведь больше всего на свете Антрес хотел увидеть Мастера.

Антресу в нос ударил насыщенный запах лошадей. Он остановился, прислушался. И сразу же ловил богатую гамму шумов, какую могла издавать только толпа людей. Антрес насторожился. Уже много дней он не встречал ни одной живой души, зато ему встречались пустые деревни. И тут вот – орда.

Антрес обратился в призрака. Он старался использовать свой *alius* только если это действительно необходимо. Юноша боялся злоупотребить невидимостью и в один прекрасный день застрять между мирами.

Когда Антрес наконец увидел источник неприятного запаха и шума, он не пожалел, что сейчас его никто не видит. Лагерь простирался до самого горизонта. Шатры перемешивались с лошадьми. Создавалось ощущение, будто в лагере лошадей много больше, чем людей. Кое-где поднимался густой дым от костров. Вокруг них сидели невысокие люди с суровыми лицами. У них у всех были узкие глаза, Антрес никогда таких не видел и не понимал, как можно через такую щель смотреть на мир. Однако, когда призрак пробирался сквозь лагерь ему то и дело казалось, будто то один, то другой угрюмый воин наблюдает за его перемещениями.

Эта громадная армия одновременно пугала и завораживала Антреса. Он видел в ней силу и мощь сходящей с гор лавины, смертоносной и неостановимой. И все же кровопролития, что несла с собой эта орда, не казались Антресу чем-то противоестественным. Прошедшие два столетия не разубедили его, что человечество не дня не прожило бы без насилия.

Призрак постарался как можно быстрее миновать лагерь. Мастера здесь не было, потому его мало волновало, куда направляется эта гигантская армия. Позже Антрес узнает, что именно эта армия и эти люди подчистую уничтожат орден ассасинов, существование которого два века омрачало ему жизнь.

Со дня, когда Антрес наткнулся на армию монголов, прошло четыре месяца. Он устал, но не из-за нескончаемого пути к землям, где рождается солнце. Он устал встречать каждый новый день с надеждой сегодня встретиться с Мастером, положить перед его ногами кинжал, а потом увидеть знакомый блеск в глазах.

И вот настал тот день, когда надеждам Антреса суждено было воплотиться.

Призрак остановился у деревянного, длинного по фасаду дома. Напротив главного входа была построена стена, Антрес не понимал зачем, ведь она мешала удобному въезду во внут-

ренный двор. Дом покрывала крутая крыша с необычными для Антреса изогнутыми концами. Для Чжунго, собственно, подобные дома были типичны. Антрес много видел таких за последние несколько месяцев. Однако этот дом был особенным, потому что в нем находился тот, ради кого Призрак проделал столь долгий путь.

Невысокого человека, одетого в темно-зеленые просторные брюки и рубаху с запахом Антрес нашел у домашнего алтаря, на котором стояли красные таблички с нарисованными золотой краской иероглифами. Иероглифы напомнили Призраку вязь на лезвии его кинжала. Антрес вынырнул из невидимости, достал из ножен кинжал и шагнул с бормочущему что-то себе под нос человеку.

– Мастер, – окликнул его юноша.

Услышав непонятную для себя речь, китаец обернулся. Высокий, широкоплечий человек, закутанный в пыльный плащ, загораживал выход из небольшого святилища. У незнакомца были большие глаза, глаза человека со злом внутри. И эти глаза испугали китайца больше, чем оружие в руке гостя. Он призвал предков защитить его.

А потом незнакомец опустился перед ним на колени и положил перед собой кинжал. Китаец продолжал шептать молитвы своим предкам, но взгляд его невольно опускался с больших глаз Антреса на лежащий перед ним клинок. Хозяин дома замолк, не моргая глядя на кроваво-красный поблескивающий камень.

Антрес замечал, как меняется взгляд китайца. Страх быстро исчез, зато появилась осознанность, легкая меланхолия, задумчивость и, тем не менее, сосредоточенность. По мере того, как в неприметном китайце пробуждался Мастер, алмаз бледнел. И когда камень приобрел свой первоначальный бело-мутный цвет, китаец поднял голову. На его лице возникла легкая улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.